

О. С. Поршнева

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЕЛИКОБРИТАНИИ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА СОЮЗНИЦЫ (1914-й — ФЕВРАЛЬ 1917 г.)

Великобритания в годы Первой мировой войны была одним из главных союзников России по Антанте. По отношению к ней, в отличие от Франции, к началу XX в. в российском общественном мнении и массовом сознании традиционным стало недоверие. Если в народном сознании образ Англии представлял в мифологизированном виде «англичанки», которая «портит дело», то в сознании образованных слоев широко распространенными были представления о коварстве английской политики, высокомерии, корыстолюбии англичан. Однако, несмотря на длительную историю англо-русского соперничества, прерываемого сотрудничеством для борьбы с общим противником, только Крымская война породила первое масштабное проявление англофобии¹, повлиявшее на укоренение антибританских стереотипов в российском обществе. Острая борьба двух держав на международной арене, особенно с середины XIX в., способствовала взаимному недоверию, распространению негативных этно- и внешнеполитических стереотипов. Одновременно накануне Первой мировой войны под влиянием целенаправленной пропаганды происходило резкое усиление симпатий к Великобритании, ознаменованное развитием культурных контактов двух народов, способствовавших лучшему взаимопониманию и преодолению негативных стереотипов².

В 1914-м — начале 1915 г. представления о союзниках в целом и Великобритании в частности были составляющими элементами российского варианта «настроения 1914 г.». Системообразующим основанием образа Великобритании в начале войны стали идеи о святости общесоюзнического дела, об Англии как справедливой и благородной защитнице дела мира и прогресса, борющейся с германской агрессией. В то же время в сознании российского

общества с самого начала войны присутствовал и такой мотив: союзники, и в первую очередь, англичане не понимают и не хотят понять Россию. Уже в сентябре 1914 г. З. Гиппиус записала в своем дневнике: «Наши счастливые союзники не знают боли раздирающей, в эти всем тяжкие дни, самую душу России. Не знают, и, беспечные, узнать не хотят, понять не хотят. Не могут»³. И позднее, в апреле 1915 г.: «Я люблю англичан, но я так ярко понимаю, что они нас не понимают (и не очень хотят)»⁴.

В обстановке духовного подъема начала войны публицисты выступали за решительный отказ от негативных стереотипов в отношении Великобритании⁵. Союзническая солидарность, передовой опыт мобилизации материальных и духовных ресурсов на нужды фронта стали насущными темами публикаций ежедневной прессы, обращенной к широкой читательской аудитории. Великобритания представлялась образцом постановки дела национальной мобилизации. В августовской публикации «Петроградских ведомостей», посвященной мобилизации сил и ресурсов России на нужды фронта, констатировалось: «Примером единодушия в этом смысле могут служить нам Англия и другие страны, сконцентрировавшие все внимание вокруг дела войны»⁶. В другой, уже сентябрьской, статье этой газеты были показаны масштабы притока добровольцев в Англии в «новую армию лорда Китченера». Подчеркивался общенациональный характер добровольческого движения, охватившего все социальные слои и группы общества, регионы страны. Говорилось о вступлении в английскую армию около 300 тыс. добровольцев, из которых 42 тыс. были жителями Лондона, «в том числе членов аристократических клубов Вест-Энда, вступающих в особый полк королевских стрелков»⁷. Действительно, число добровольцев в Британской империи, не имевшей воинской повинности до 1916 г., было велико и не ограничивалось представителями средних классов. В ответ на призыв военного министра лорда Китченера только за неделю, с 30 августа по 5 сентября 1914 г., 174 901 человек вступил в армию. В то время как в первый месяц войны необходимо было набрать 200 000 мужчин, реально записались в армию не менее 300 000 чел. В целом

вступили добровольцами в Британскую армию около 2,5 млн человек, что составляло 25 % от тех, кто мог подлежать мобилизации⁸. Волонтеров было примерно столько же, сколько призвано в армию после введения воинской повинности⁹.

Другой важной темой военного дискурса стали успехи союзников на фронтах войны. Большое распространение в начале войны во всех странах, в том числе и России, получил «сатирический» жанр печатной, устной, изобразительной, кино- и театральной пропаганды. Особенно он был действенным в формировании образов противников России в войне, в гораздо меньшей степени косвенно работал и на формирование позитивного образа союзников¹⁰. В юмористическом альманахе наряду с русскими победами над карикатурно изображаемыми противниками нашли отражение успехи союзников-англичан в Каире:

*Чтобы больше турки
Не играли в жмурки,
Англичане ловко ноги и головки
Мигом отмахнули,
Те и ... позаснули¹¹.*

Развитие ситуации на фронтах и во внутривойсковой сфере определило в дальнейшем в ходе войны эволюцию образа британской союзницы. Несмотря на общность целей, согласованность коалиционной стратегии Антанты, все больше проявлялись противоречивые интересы отдельных стран Согласия. Антисоюзнические настроения на фронте и в тылу стали появляться в конце 1914 г. в связи с катастрофой в Восточной Пруссии, общим затягиванием войны и началом проявления кризиса военно-технического снабжения. Данную ситуацию использовала Германия, которая начала планомерную работу по разложению русских войск и антисоюзнической пропаганде. Как отмечает Б. И. Колоницкий, с помощью аэропланов, специальных мин и воздушных шаров в расположение русских войск перебрасывались пропагандистские листовки, немецкие патрули оставляли прокламации у проволочных заграждений. В листовках утверждалось, что Россия напрасно

проливает кровь ради выгод ее союзников. Главным объектом дискредитации была Англия, которая якобы втянула Россию в войну за свои эгоистические интересы¹².

С конца 1914 г. стали активизироваться правые силы, все противники проанглийской ориентации российской внешней политики. В октябре-ноябре 1914 г. С. Ю. Витте выступил с критикой позиции Англии в войне, что было продолжением его борьбы против англо-русского сближения¹³. Посол Великобритании Дж. Бьюкенен выступил по этому поводу в Английском клубе накануне Нового года. В своей речи против «мирной кампании Витте» он изложил обвинения, выдвигаемые правыми в России против Англии: «Некоторые известные германофилы обвиняют нас в том, что мы толкнули Россию в войну ради наших личных выгод, а теперь предоставляем ей одной нести весь ужас ее. Эти господа постоянно спрашивают нас: “Где ваш флот? Что делает ваша армия?”»¹⁴.

Дальнейшая эволюция образа Великобритании в сознании российского общества во многом зависела от развертывания военных действий, степени их успешности для России и блока Антанты в целом, осуществления идей союзнической солидарности и взаимопомощи. В ходе массированного немецкого наступления на Восточном фронте летом 1915 г. русская армия, страдавшая от нехватки вооружения и боеприпасов, остро нуждалась в помощи союзников. Трагедия русского отступления, сопровождавшегося тяжелыми потерями, эхом отозвалась в стране, обусловив изменение общественных настроений, дав импульс развитию кризиса доверия по отношению к своему и союзным правительствам. Поражения 1915 г. стали объяснять, в частности, бездействием союзников. Особенно большое возмущение вызывала Англия. Если на территории Франции, так же как и России, велись боевые действия и ее гражданское население страдало от «германских зверств», то Англия «отсиживалась за проливом»¹⁵.

С осени 1915 г., как свидетельствует генерал Н. Н. Головин, «прежняя жертвенная готовность по отношению к союзникам сменяется в русской армии чувством горькой обиды и разочарования»¹⁶. Недовольство союзниками проявлялось на всех уровнях

военной иерархии, в том числе в ставке¹⁷. Большую роль в распространении критических настроений по отношению к Англии играло то обстоятельство, что она «не спешила» поделиться вооружением и военными материалами с Россией. Английский представитель на Восточном фронте в донесении Ллойд Джорджу как министру военного снаряжения писал 29 августа 1915 г.: «Офицеры не могут понять, почему Англия с ее высокоразвитой промышленностью не может помочь России в военном снаряжении. Меня спрашивают, почему мы не посылаем им снарядов и ружей. Когда я пытаюсь объяснить, что нам не хватает для собственных потребностей, мне просто не верят и продолжают доказывать, что помочь России было бы в наших собственных интересах, так как они будут сражаться, если мы предоставим им снаряжение»¹⁸.

Неосведомленность о жертвах, приносимых союзниками, стала причиной взаимного недоверия, характерного для всех участников антигерманской коалиции. Особенно это касалось отношения в России к Англии. В письме сэра Малькольма в ноябре 1915 г., посетившего Россию по поручению Красного Креста, говорилось о русских: «Они просто не знают, что мы делаем, и, не зная, думают, что мы не предпринимаем ничего»¹⁹.

Кризис доверия к английской союзнице развивался постепенно, охватывал далеко не все социальные слои и группы русского общества. В деле мобилизации сил и ресурсов Англия должна была оказать России помощь, поставляя вооружение и боевые материалы, предоставляя займы, совместно с Россией отражая натиск сильного врага. Проникнутая патриотическими настроениями часть русского общества, либеральные круги сохраняли приверженность идее укрепления отношений с Великобританией. Это было обусловлено и политическими симпатиями, и наличием общесоюзнических целей, и надеждами на реализацию национальных интересов России в результате войны. Представители военно-политических, предпринимательских слоев, интеллигенции, выступавшие за утверждение России в Константинополе и черноморских проливах, осознавали, что эта задача не могла быть решена без поддержки Англии, вне союзнической коалиции.

Не случайно своего пика распространение в русском обществе идей союзнической солидарности в борьбе до победы достигло в 1916 г., после того, как Англия признала притязания царского правительства на Константинополь и черноморские проливы²⁰.

Тема достоинств национального характера, общего и различий в национальном психическом складе союзников была одной из значимых в военном дискурсе, позволяла лучше понять соратников по коалиции, осознать возможности совместной борьбы. «На участках фронта, занятых английскими войсками, — отмечалось в “Новом времени”, — спортивные развлечения вытесняют сценическое искусство. Футбол, крокет и даже поло — вот развлечения английского солдата в минуты отдыха»²¹. Статьи дополнялись фотографиями, иллюстрирующими окопную жизнь англичан. Психологическому сближению должны были содействовать фотоснимки, демонстрировавшие общую любовь к «четвероногим друзьям», изображавшие воинов русской и британской армий с их любимцами. В одном из газетных материалов русские воины в минуту отдыха были запечатлены с медведем, англичанин — с газелью, австралиец — с кенгуру²².

Текущие военно-политические и культурные события пробуждали интерес к английскому национальному характеру. Оценки его черт и проявлений, несмотря на существование ряда устоявшихся представлений, во многом зависели от политической и личной позиции русских наблюдателей. Известный публицист праволиберальной ориентации С. И. Раппопорт в статье, написанной по поводу выхода в свет книги Э. Пиза «History of the Fabian Society», обращается к проблеме влияния национального склада англичан на специфику английского социализма²³. Подчеркивая практицизм англичан, Раппопорт отмечает, что в Англии «настоящее дело социализма творится в парламентских комитетах и городских думах», а главное внимание уделяется «практическим злобам дня, законодательным и муниципальным мерам и нуждам»²⁴. Правый эсер, горячий сторонник войны до победы Б. Савинков, наблюдавший в 1914–1916 гг. англичан на Западном фронте, писал впоследствии об их развитом гражданском чувстве, сознательной дисциплине,

«джентльменском» поведении²⁵. Меньшевик-интернационалист А. Мартынов критически, с классово-социалистических позиций анализируя настроения в Англии, отмечал в то же время бережное отношение англичан к традициям, их консерватизм и «трезвый эмпиризм»²⁶. И. Любименко призывала к пониманию внутренних мотивов, природы поступков и действий англичан²⁷, обращала внимание на роль общественного мнения в принятии внешнеполитических решений, островного положения, своеобразных взглядов на войну как на причины «медлительности английских военных приготовлений после начала войны»²⁸. В публикации утверждалось, что английский национальный характер имеет сходство с русским: «Английское “muddle through” весьма сродни излюбленному русскому “авось”... «в некоторой беспечности и крайней любви к индивидуальной свободе, так же как и в склонности к религиозным исканиям, сказывается общность духовных организаций обоих народов»²⁹. Автор в своем стремлении выявить общее как бы не замечает, что сравнивает английский характер с автостереотипом скорее русской интеллигенции, чем русского народа. В то же время это было проявлением поиска основ общей союзнической идентичности.

Серьезные проблемы, существовавшие внутри союзнической коалиции, обсуждались в кругах левой интеллигенции, что находило, в частности, отражение в легальной демократической печати. На ее страницах рассматривались империалистические «корни» войны, противоречия между союзниками, в том числе мотивы культурного превосходства, проявляемого англичанами в отношении к России, социалистические и пацифистские движения в союзных странах, реальное соотношение сил внутри Тройственного соглашения, формы экономической зависимости от союзников, политические последствия войны и т. д.³⁰

Деятели Прогрессивного блока и либеральной оппозиции, критиковавшие правительство и царское окружение за «немецкие влияния», сделали союзническую солидарность своим лозунгом и одной из основ политической стратегии. Особенно большие надежды в этом отношении возлагались на поддержку

Англии — оплота либерализма, экономически наиболее мощного государства в стане противников Германии. Не случайно англофильство и оппозиционность царскому правительству стали в 1916 г. почти синонимами, а особенно тесные контакты были характерны для представителей английской дипломатической миссии, его главы посла Дж. Бьюкенена и членов Государственной Думы, большинство из которых были настроены в пользу Антанты. Апофеозом русско-английского сближения стало избрание в мае 1916 г. Дж. Бьюкенена почетным гражданином г. Москвы. На чрезвычайном заседании московской Думы Бьюкенену была вручена икона XIV в. св. Георгия Победоносца — покровителя и Москвы, и Англии, а также специальное кресло с выгравированным именем посла, которое, как отметил председатель московской Думы М. В. Челноков, «будет всегда в зале заседаний думы как постоянное напоминание о заслугах и добром согласии, существующем между нашими странами»³¹. В своей речи городской голова мотивировал присуждение послу высокого звания «в знак наших симпатий к великому и доблестному британскому народу, а также горячего чувства дружбы и глубокого уважения к почетному гостю Москвы»³².

С 1916 г. в условиях затягивания войны, роста численности ее жертв, развертывания продовольственного, транспортного, топливного, жилищного кризисов, она становилась все менее популярной среди массовых слоев населения³³. Настроения недоверия к союзникам, прежде всего Великобритании, в 1916 г. стали широко распространяться среди рядового состава армии. Источники, вышедшие из среды самих нижних чинов, подтверждают бытование стереотипов восприятия Англии как виновницы войны, действующей чужими руками, наживающейся на русской крови³⁴. В солдатском письме от 6 апреля 1916 г. говорилось: «Если англичанин не начал бы, тогда давно был бы мир, главным виновником является Англия. Если существует бог на небе, тогда этот мелочник не избегнет наказания»³⁵. Здесь обращает на себя внимание не только убеждение, что Англия — инициатор войны и заинтересована в ее продолжении, но и использование этностереотипа

«мелочник» в отношении англичан, отражающего факт сохранения традиционных представлений об их национальном характере, сложившихся в русской культуре еще в XIX в.

В ситуации нарастания недовольства войной активизировались крайне правые группировки, сущностной характеристикой воззрений которых была англофобия. 20 января 1916 г. при поддержке Г. Распутина на пост председателя Совета министров был назначен Б. В. Штюрмер, который с марта по июль 1916 г. одновременно был министром внутренних дел, а с июля по ноябрь – министром иностранных дел. Изменения в верхах стали сигналом к резкой активизации правых, особенно летом 1916 г. Появилось немало статей и памфлетов, направленных против Британии, причем в иностранной прессе утверждалось, что многие русские цензоры потворствовали антианглийской кампании правых³⁶. Широкий резонанс получили статьи журнала «Российский гражданин», издававшегося П. Ф. Булацелем. По поводу отставки С. Д. Сазонова в журнале говорилось: «При г. Сазонове вмешательство иностранцев в наши русские дела достигло огромных размеров. Зачем все эти жертвы, испытания, если в замене тяжелого германского порабощения России хотят преподнести более тяжелое английское порабощение?»³⁷. В рубрике «Дневник» «Российского гражданина», автором которой был сам П. Ф. Булацель, постоянно осуждалось англофильство, говорилось об угрозе превращения России в английскую колонию, делались намеки о наибольшей заинтересованности Великобритании в войне, представляющей «всех тех международных поставщиков и банкиров, которые на великое самоистребление христианских народов смотрят как на большое коммерческое предприятие, дающее возможность за один год войны нажить “комиссионерством” миллиарды рублей»³⁸.

Настоящий дипломатический конфликт возник, когда Булацель летом 1916 г. в одной из публикаций заявил, что английская армия за все время войны продвинулась «на несколько сот метров»³⁹. Поводом для такого заявления стала речь английского премьера Асквита о необходимости международного трибунала над Вильгельмом, оскорбившая монархические чувства Булацеля.

Ссылаясь на английскую историю, Булацель обосновывал «мстительность» «просвещенных мореплавателей», в то время как германцев называл «наши упорные, храбрые и сильные враги»⁴⁰. Налицо была не только предвзятость, но и определенная позиция автора в отношении войны: он выступал против войны «до бесконечности» (читай – «до победного конца» — *О. П.*), за войну до заключения с Германией «выгодного и почетного мира»⁴¹. Англофобия Булацеля, постоянно транслировавшего антианглийские стереопиты и убеждения вкупе с националистическими и антилиберальными установками, стимулировала и выражала существовавшие в обществе подобные настроения. Журналист упоминал в своем дневнике о письмах поддержки, получаемых им от самых разных людей⁴².

В условиях нарастания недовольства войной правительственные и общественные пропагандистские усилия были направлены на поддержание благоприятного образа союзников. В 1916 г. в журнальной и газетной периодике продолжалось разъяснение высокой миссии Антанты, «благородства» целей союзников, которое становилось особенно насущным в ситуации распространения представлений о бессмысленности кровопролития⁴³.

Зимой 1916–1917 гг. ряд факторов обусловил позитивный сдвиг в отношениях с Великобританией. Среди них следует отметить урегулирование финансовых проблем, поражение «германофилов» в русских правительственных верхах, публикацию в ноябре 1916 г. заявления союзников об окончательном признании за Россией прав на Константинополь и проливы⁴⁴. Можно говорить даже об усилении проанглийских настроений накануне Февральской революции. Об этом свидетельствовал Дж. Бьюкенен в телеграмме министру иностранных дел Великобритании от 18 февраля 1917 г.: «Хотя на нас иногда производятся нападки в реакционной уличной прессе, однако антибританская кампания умерла, и англо-русские отношения никогда не были лучше, чем в настоящее время»⁴⁵.

Таким образом, развитие ситуации на фронтах и во внутриполитической сфере определило общий вектор эволюции образа Великобритании в условиях войны. Ключевую роль в этом процессе

играло истолкование мотивов поведения союзницы и проявляемых ее народом качеств на полях сражений, в деле мобилизации людских и материальных ресурсов и, главное — в отношении к «союзническому долгу». Стремление Великобритании реализовать в войне свои собственные национальные интересы и сохранить сильную армию ко времени раздела «плодов победы», было расценено в России как эгоизм, расчетливость и предательство общих интересов, использование России для достижения своекорыстных целей. В то же время в образованной среде образ Великобритании был дифференцированным, зависел от мировоззренческих и политических ориентаций, личного опыта взаимодействия с ее культурой, выражался в аргументированных мнениях и суждениях по широкому кругу вопросов англо-русского сотрудничества.

---

¹ См.: Орлов А. А. «Теперь вижу англичан вблизи» ... Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). М., 2008. С. 166–179.

² См.: Давидсон А. Б. Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 54–55.

³ Гунтус З. Н. Синяя книга // Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк ; Москва, 1990. С. 27.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ См.: Рапопорт С. И. Англия и ее колонии // Русская мысль. 1914. Кн. 10. С. 113–114.

⁶ Петроградские ведомости. 21 августа (3 сентября). № 188.

⁷ Там же. 12 (25) сентября. № 205.

⁸ См.: Ferguson N. The Pity of War. L., Allen Lane, 1998. P. 198.

⁹ См.: Ibid. P. 199.

¹⁰ См.: Смех и сатира. 1914. Сентябрь — декабрь. № 39–50 // Война и народ. Юмористический и сатирический альманах. М., 1915.

¹¹ Война и народ. Юмористический и сатирический альманах. М., 1915. С. 2.

¹² См.: Колоницкий Б. И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война : материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 273.

¹³ Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 387.

¹⁴ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / пер. с англ. 2-е изд. М., 1991. С. 138.

¹⁵ См.: *Сенявская Е. С.* От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США в российском и советском общественном сознании первой половины XX века // Проблемы российской истории. Вып. VI. М., 2006. С. 324.

¹⁶ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне : в 2-х т. Париж, 1939. Т. 2. С. 159.

¹⁷ См.: Биржевые ведомости. 1915. 18 (31) июля, утренний выпуск.

¹⁸ Ллойд Дж. Д. Военные мемуары. М., 1934. Т. 1–2. С. 316.

¹⁹ Цит. по: Там же. С. 381.

²⁰ См.: *Рудая Е. В.* Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 гг. // Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 179.

²¹ Новое время. 1916. 2 (15) июля. С. 12.

²² См.: Там же. 19 ноября (2 декабря).

²³ См.: *Раппопорт С. И.* Английский социализм (по поводу “History of the Fabian Society”). Эд. Пиза // Русская мысль». 1916. Кн. 9. С. 77.

²⁴ Там же. С. 84–85.

²⁵ См.: *Ропшин В.* Во Франции во время войны. М., 1918. Ч. II. С. 154–156.

²⁶ См.: *Мартынов А.* Современные настроения в Англии // Современник. 1915. № 10. С. 277.

²⁷ См.: *Любименко И.* Англия и война // Русская мысль. 1916. Кн. 12. С. 9, 10.

²⁸ Там же. С. 10–11.

²⁹ Там же. С. 12–13.

³⁰ См.: Дело. 1916. № 4. С. 61–62, № 5–6. С. 82, № 7–8. С. 94–95 ; Современник. 1915. № 10. С. 212–228, 287, 339 ; Речь. 1916. 3 (16) апреля; и др.

³¹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 161.

³² Там же.

³³ См.: *Поршинева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 103–116, 149–174, 191–214.

³⁴ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / сост. А. И. Максимов, Е. И. Медведев и др. Казань, 1932. С. 71–72.

³⁵ Там же. С. 71.

³⁶ См.: *Колоницкий Б. И.* Указ. соч. С. 275.

³⁷ Российский гражданин. 1916. № 28, 17 июля. С. 14.

³⁸ Там же. С. 12–13.

³⁹ Там же. № 29, 31 июля. С. 14.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² См.: Там же. № 33, 18 сентября. С. 14.

⁴³ См.: Русская мысль. 1916. Кн. 8. С. 7. Кн. 12. С. 13; Зауральский край. 1916. 24 мая, 25 декабря; Уральская жизнь. 1916. 10 апреля.

⁴⁴ Правда, преувеличивать значение последнего фактора на отношение к союзникам в широких слоях населения нельзя.

⁴⁵ *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 189.

А. Б. Давидсон

РОССИЙСКИЕ ГОРНЫЕ ИНЖЕНЕРЫ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

Горное дело на Урале, в Сибири — и на юге Африки, да еще в конце XIX столетия. Какая могла быть связь?

Была. И вполне конкретная.

В Южной Африке в конце 1860-х гг. были открыты крупнейшие в мире месторождения алмазов. А в середине 1880-х — золота. Алмазная и золотая лихорадка. На юг Африки ринулись англичане, американцы, французы... Молниеносно, за несколько лет на местах добычи алмазов вырос город Кимберли. А затем еще быстрее «Золотой город» Йоханнесбург. Йоханнесбург с того времени и до сих пор — крупнейший промышленный центр Африканского континента. Именно там возникли потом первые в Африке небоскребы.

Но какое все это имеет отношение к нашей стране? Все это ведь — за тысячи и тысячи верст! А отношение-то прямое. Методы горного дела на юге Африки разрабатывались лучшим специалистами стран Запада. Быстро. Эффективно. Как же не использовать